

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-770-780

ВЛИЯНИЕ ВНЕШНИХ ФАКТОРОВ НА РАЗВИТИЕ СЕПАРАТИЗМА В СУАР КНР

А.С. Мавлонова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

В статье рассматривается важное геостратегическое положение Синьцзяна, находящегося на пересечении очагов нестабильности, главным образом вследствие наличия общей границы с Афганистаном и Пакистаном. Обозначено серьезное влияние на Синьцзян-Уйгурский автономный район Китайской Народной Республики (СУАР КНР) масштабного военного конфликта на Ближнем Востоке. Проведенный анализ показывает, что особенность данного конфликта заключается в том, что он влияет не только на политическую, но и экономическую обстановку в СУАР КНР.

Что касается политического аспекта, то появление на Ближнем Востоке новой активной силы в лице «Исламского государства» (ИГИЛ, ИГ) (террористическая организация, запрещена в России) создает определенные риски для КНР, учитывая наличие радикально настроенной молодежи и возможность проникновения религиозных экстремистов с Ближнего Востока на его территорию через Афганистан и республики Центральной Азии. В этой связи Китаю совершенно не выгодна длительная дестабилизация политической обстановки в Сирии, распад государства или победа религиозных экстремистов.

Автор также приходит к выводу, что военный конфликт на Ближнем Востоке может негативно сказаться и на реализации проекта Нового Шелкового пути. Отправной его точкой является СУАР. Успешная реализация проекта будет стимулировать торгово-экономические и энергетические обмены с республиками Центральной Азии и положительно влиять на стабилизацию обстановки в СУАР. Но проблема заключается в том, что сам путь пролегает в опасной близости от ближневосточного региона, где в острой фазе находится противостояние «Исламскому государству».

В статье также рассматривается влияние США на обстановку в Синьцзяне и поддержка Вашингтоном уйгурского сепаратистского движения. В будущем уйгурский вопрос с большой вероятностью может быть использован американцами с целью ослабления Китая и получения уступок с его стороны по различным вопросам.

Ключевые слова: Синьцзян, КНР, Центральная Азия, Сирия, сепаратизм, уйгуры, Ближний Восток

ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СИНЬЦЗЯНА

Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР занимает важное геостратегическое положение, находится на пересечении очагов нестабильности, главным образом, вследствие наличия общей границы с Афганистаном и Пакистаном. В случае эскалации конфликтного потенциала СУАР Китаю будет намного сложнее претендовать не только на место мировой державы, но и на положение ведущего государства в Азии. Это также нанесет серьезный удар по экономике Синьцзяна и значительно усложнит выстраивание отношений по линии КНР — «мир ислама»; под угрозу будут поставлены союзнические отношения с Пакистаном и Ираном, а также республиками Центральной Азии.

В настоящий момент негативное влияние на ситуацию в Синьцзяне также оказывает существенное ухудшение геополитической обстановки во втором десятилетии XXI в. на пространстве так называемого Большого Ближнего Востока, протянувшегося от Марокко до Пакистана и включающего в себя страны Ближнего и Среднего Востока, Северной Африки, а также Центральной Азии и Южного Кавказа.

Из зон повышенной конфликтности в этом и в соседних регионах, расположенных в непосредственной близости к Синьцзяну, можно выделить следующие: 1) Фергана, разделенная между Узбекистаном, Киргизией и Таджикистаном; 2) Афганистан; 3) северный Пакистан; 4) Кашмир; 5) Белуджистан, разделенный между Афганистаном, Ираном и Пакистаном; 6) Тибет.

Все эти территории и конфликты в той или иной степени взаимосвязаны. В частности, Таджикистан соприкасается с Афганистаном и Ферганой, а через часть Ферганской долины, входящую в состав Киргизии, и Памир — с Синьцзяном. В большинстве перечисленных государств борьба за социальную справедливость идет под знаменем исламского фундаментализма, подчас с использованием экстремистских мер.

Как уже упоминалось выше, на ситуацию в Синьцзяне оказывает влияние обстановка в Ферганской долине — перманентно нестабильном регионе, где конфликт может вспыхнуть в любой момент. Географическая близость к южным районам Синьцзяна явилась одной из причин переселения уйгуров с территории Китая в долину. Так же как и сами ферганцы, уйгуры из Хотана, Кашгара, Аксу и Учтурфана являются яркими приверженцами ислама. Этот факт сыграл определенную роль в их культурной ассимиляции с жителями Ферганской долины. Таким образом, исламский фундаментализм, который в настоящий момент упорно просачивается через афгано-таджикский коридор, может отыскать своих последователей, в первую очередь, в Ферганской долине. И в данном регионе антикитайские выступления, в отличие от регионов Урумчи и Кульджи, зачастую проходят под исламистскими лозунгами.

Особый интерес и обеспокоенность Ферганская долина вызывает также ввиду того, что данная территория была и продолжает оставаться своеобразным катализатором уйгурских движений преимущественно на западе и юге Синьцзяна. В доказательство этому можно вспомнить печальные события 1871—1881 гг., когда здесь произошло крупное антикитайское восстание, в результате которого было образовано мусульманское государство Якуб-бека — выходца из Ферганской долины [Дубровская 1998]. Хотя очаг исламского сопротивления в тот период удалось подавить, тем не менее, это было достигнуто с большими трудностями.

На Синьцзян и Фергану оказывают влияние радикально настроенные сепаратисты, которые используют в своих политических программах элементы салафитской идеологии. Английский исследователь Дж. Рудельсон, который провел несколько лет в этом автономном районе, считает, что западные и северные территории Таримской впадины от Кашгара до г. Куча исторически тяготеют к Западному Туркестану, и в особенности к народам, населяющим Ферганскую долину и непосредственно города Коканд, Андижан, Ош и их окрестности [Рудельсон 1994].

Также ситуацию в Ферганской долине осложняет и наблюдающаяся в последние годы стремительная радикализация жителей данного района ввиду падения уровня жизни населения, сокращения числа рабочих мест и реальных доходов. Следовательно, растет социальное напряжение, увеличивается число недовольных, особенно среди молодежи.

Здесь также нельзя не отметить, что из-за непосредственной близости к Афганистану стабильности как самой Ферганской долины, так и в целом государств Центральной Азии серьезно угрожает присутствие запрещенной в России группировки «Исламское государство». Учитывая то, что Афганистан является своего рода мостом для переброски террористов в Центральную Азию, а также то, что большое количество граждан государств региона присоединились к террористической группировке ИГ в Сирии и Ираке, можно предположить, что в этих странах велико число сторонников «Исламского государства» (террористическая организация, запрещена в России).

Нестабильность военно-политической обстановки в Афганистане стала оказывать все более и более негативное влияние на Центрально-Азиатский регион и СУАР начиная с конца 90-х гг. XX в. И в связи с этим особо актуальным стал вопрос касательно исламистского радикализма и экстремизма, а также международного терроризма [Wallace 2014].

И если еще в первой половине 1990-х гг. ситуация в Афганистане несущественно влияла на Китай, то с появлением на военно-политической сцене движения «Талибан»¹ ситуация стала заметно изменяться. Успехи его последователей в вооруженном конфликте с прочими афганскими группировками и захват власти в государстве во второй половине 1990-х гг. способствовали созданию крайне благоприятных условий для активизации на территории Афганистана разнообразных радикальных и экстремистских сил. И все это, в свою очередь, оказало отрицательное воздействие на ситуацию в Центральной Азии и Синьцзяне.

Эти события способствовали превращению Афганистана в базу для международного терроризма. Замечено в Афганистане и появление членов уйгурских группировок из Синьцзяна, которые могли приобрести военный опыт благодаря участию в различного рода боевых действиях на стороне талибов, а также благодаря прохождению подготовки в лагерях «Аль-Каиды»² [Сыроежкин 2006]. И по возвращению в СУАР они могли принимать непосредственное участие в вооруженных столкновениях и акциях против представителей властей КНР, а также быть инструкторами в учебно-тренировочных базах, созданных в труднодоступных районах Китая. Активисты уйгурских сепаратистов не без основания полагали, что «Аль-Каида» и движение «Талибан» являются реальной силой, способной оказать существенную помощь в образовании независимого исламского государства на территории Синьцзяна [Надточей 2014].

¹ Организация включена в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

² Организация включена в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

Таким образом, с приходом к власти в Афганистане талибов как в Центральной Азии, так и непосредственно в самом Синьцзяне стали еще более активно распространяться разнообразные радикальные исламистские организации и группировки³. В первую очередь, следует выделить партии «Хизб ут-тахрир аль-ислами» и группировку «Исламское движение Узбекистана»⁴. Угроза исламистского экстремизма и радикализма стала для КНР вполне реальной.

В настоящий момент присутствие террористической группировки ИГ в Афганистане усиливает волнения в Китае, в особенности принимая во внимание план «Великий Хорасан», согласно которому «Исламское государство» планирует перебазировать свои войска в Центральную Азию, захватить Ферганскую долину, где активно действуют многие экстремистские группировки, и продвигаться до китайских границ в Синьцзяне.

Что касается Пакистана, то для КНР большое значение имеет стремление посредством использования пакистанских структур контролировать ситуацию с исламистскими террористическими и экстремистскими группами практически в китайском приграничье [Small 2015].

Пакистан не раз заявлял о своей непричастности к терактам, совершенным «Исламским движением Восточного Туркестана», и неоднократно выражал намерение оказать помощь правительству КНР в борьбе с боевиками данного движения. Поддерживать боевиков, осевших на территории Пакистана, Исламабаду совершенно не выгодно. Для Пакистана Синьцзян является не террористическим полигоном, а платформой для укрепления экономических связей с Китаем. Тем не менее само наличие в Пакистане как минимум трех этнических конфликтов практически у границ КНР вызывает серьезную озабоченность у китайских властей.

КНР проявляет особую заинтересованность в различных проектах в сфере строительства и развития инфраструктуры в регионе Гилгит-Балтистан — части Кашмира, контролируемого Пакистаном, так как данная территория находится на пересечении многих глобальных интересов: Афганистан — на севере, Китай — на северо-востоке, пакистанская провинция (де-факто) Азад Кашмир — на юге и индийский штат Джамму и Кашмир — на юго-востоке [Kumar 2012].

Пакистан для китайского СУАР является выходом в Индийский океан через пакистанский порт Гвадар⁵, переданный пакистанскими властями в управление

³ По мнению казахстанских экспертов, с начала 1990-х гг. в государствах Центральной Азии стали действовать представители следующих организаций радикального толка: сеть групп «Общество социальных реформ», «Братья-мусульмане», «Комитет исламского призыва», «Комитет мусульман Азии», «Аль-Игаса», ХАМАС, экстремистское течение «Товба», «Центр исламского развития» в Киргизии, религиозное течение «Акромия» в Узбекистане, «Адолат уюшмаси».

⁴ Организации включены в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

⁵ Порт «Гвадар», находящийся в провинции Белуджистан, построен при поддержке Китая в 2007 г. КНР планирует использовать данный порт для экспорта своих товаров в страны Ближнего Востока, Европы и Африки. Развитие дорожно-транспортного сообщения в Пакистане является частью китайского проекта Экономического пояса Шелкового пути. Развитие китайско-пакистанского экономического коридора включено в план 13-й пятилетки КНР (2016—2020 гг.).

китайской государственной компании [Антипов 2015]. Следовательно, дестабилизировать Синьцзян — значит отсечь КНР от Пакистана и, как следствие, от выхода в Индийский океан. Такой поворот событий мог бы быть выгоден Индии, которую США, один из главных соперников Китая на мировой арене, считают ключевым союзником в Южной Азии.

ВЛИЯНИЕ СИРИЙСКОГО КОНФЛИКТА НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ОБСТАНОВКУ В СИНЬЦЗЯНЕ

Серьезное влияние на ситуацию в СУАР в настоящий момент оказывает масштабный военный конфликт на Ближнем Востоке. Он является своего рода угрозой и вызовом для безопасности КНР, а также возможностью извлечь для себя определенные выгоды, грамотно используя ситуацию. Особенность данного конфликта заключается в том, что он влияет не только на политическую, но и на экономическую обстановку как в Синьцзяне, так и в Китае в целом.

Что касается политического аспекта, то тут нельзя не отметить, что появление на Ближнем Востоке новой активной силы в лице «Исламского государства» создает определенные риски для КНР. Во-первых, стоит отметить, что данная террористическая организация в последнее время активизировала свою деятельность в Афганистане. Соответственно, свои позиции «Исламское государство» укрепляет и в близлежащем Пакистане.

Конечно, учитывая, что СУАР непосредственно граничит с Афганистаном и Пакистаном, регион также интересен для «Исламского государства», принимая во внимание недовольство уйгурского населения Китая своим положением, а также наличие радикально настроенной молодежи, готовой на активные действия для изменения сложившейся ситуации и возможного создания независимого мусульманского государства [Chaudhuri 2010]. Ввиду того что граница между СУАР и Пакистаном, Афганистаном и Таджикистаном проходит по горной местности боевики из различных группировок имеют возможность пересекать китайскую границу, прихватив с собой оружие. Тем не менее, КНР до настоящего времени достаточно эффективно пресекала подобную деятельность.

Как представляется, Китаю совершенно не выгодно длительная дестабилизация политической обстановки в Сирии и тем более распад государства или победа религиозных экстремистов и образование непредсказуемого теократического государства. С другой стороны, о чем уже говорилось выше, Китай опасается того, что религиозные экстремисты из стран Ближнего Востока могут проникнуть на его собственную территорию через Афганистан или республики Центральной Азии.

Здесь также стоит отметить, что уйгурские сепаратисты могут попытаться вести борьбу с КНР на территории государств Центральной Азии. Можно вспомнить инцидент с атакой китайского посольства в Бишкеке 30 августа 2016 г.⁶ Террористом оказался этнический уйгур, гражданин Таджикистана. Это первая

⁶ МИД Китая назвал терактом взрыв в посольстве в Бишкеке. Режим доступа: <https://rg.ru/2016/08/30/mid-kitaia-nazval-teraktom-vzryv-v-posolstve-v-bishkeke.html> (дата обращения: 15.06.2017).

атака радикальных уйгурских сепаратистов на официальные учреждения КНР за пределами Китая. Подтверждено, что часть уйгуров участвуют в боевых действиях в Сирии, и если они решат вести борьбу с Китаем на территории центральноазиатских республик, то это может повлечь за собой ухудшение обстановки в регионе, учитывая более низкий уровень подготовки спецслужб Киргизии или Казахстана по сравнению с китайскими [Yin Zhiguang 2016]. Таким образом, если уйгурские сепаратисты примутся за борьбу с Китаем на территории постсоветских республик, то это вызовет большие проблемы с безопасностью и в этих республиках.

Следующая проблема, с которой сталкивается Китай из-за активизации боевиков на Ближнем Востоке, — экономическая, представляющая серьезную угрозу для проекта «Один пояс — один путь». Отправной его точкой является СУАР. Для Китая реализация Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) чрезвычайно важна. Это не только развитие западных регионов Китая до уровня восточных районов, но и, несомненно, модернизация Синьцзян-Уйгурского автономного района [Yu 2016]. Это можно заметить, если взглянуть на изменившуюся транспортную инфраструктуру региона [Тоорс 2016]. Улучшение экономической обстановки, повышение уровня жизни, создание новых рабочих мест, вовлечение местного населения в работу в рамках проекта, стимулирование торгово-экономических и энергетических обменов с республиками Центральной Азии — все это будет способствовать стабилизации обстановки в СУАР. Сам же путь пролегает в опасной близости от ближневосточного региона, где в острой фазе находится противостояние «Исламскому государству» [Clarke 2016].

Ввиду этого следует обратить внимание на возможный рост террористической угрозы. Многие сегодня недооценивают способность «Исламского государства» организовать теракты на пространстве от Ближнего Востока до Синьцзяна [Yin Zhiguang 2015]. Наличие у этой террористической организации этнических группировок с многочисленными выходцами из стран Центральной Азии, России, а также Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР заставляет воспринимать ее всерьез. Возможно, в этом контексте можно рассматривать попытку КНР подключить к реализации проекта ЭПШП ресурсы Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Организация, ориентированная на борьбу с терроризмом и экстремизмом и уже имеющая некий опыт на этом направлении, действительно могла бы сыграть свою роль в усовершенствовании механизмов координации региональных усилий по обеспечению безопасности будущих экономических проектов. Тем более, это могло бы послужить прекрасным опытом для самой организации.

Также следует учитывать, что КНР получает почти половину нефти от государств Ближнего Востока, и ее экономика теснейшим образом связана с данным регионом⁷. Инвестиции Китая в энергетические и экономические проекты в Сирии и других государствах региона исчисляются миллиардами долларов США⁸.

⁷ OPEC Monthly Oil Market Report, 1 January 2016.

⁸ 2016 Oil Predictions: China Could Beat US As Top Crude Importer As Demand Surges Amid Low Prices. URL: <http://www.ibtimes.com/2016-oil-predictions-china-could-beat-us-top-crude-importer-demand-surges-amid-low-2346168> 03/31/16 (accessed: 13.05.2017).

Таким образом, ослабление позиций режима Б. Асада в Сирии и всплеск экстремизма в регионе может отразиться на КНР как с точки зрения национальной безопасности, так и с экономической точки зрения.

КИТАЙСКАЯ ВОЕННАЯ ПОМОЩЬ СИРИИ

Ввиду всех вышеперечисленных факторов КНР не смогла остаться в стороне от сирийского конфликта, здесь даже стоит подчеркнуть, что она впервые за длительный период отошла от своей строгой позиции неучастия в военных союзах за пределами своих территориальных интересов [Chen 2016]. Можно сказать, что когда в военном конфликте в Сирии стали принимать участие уйгуры, активизация КНР на ближневосточном направлении стала лишь вопросом времени.

В августе 2016 г. с визитом в Сирию для проведения переговоров с министром обороны Сирии Ф.Д. аль-Фреджем прибыла делегация из КНР во главе с контр-адмиралом, руководителем канцелярии по международному сотрудничеству Центрального военного совета КНР Гуань Юфэем.

Контр-адмирал Гуань Юфэй заявил, что «Китай играет активную роль в политическом решении сирийского вопроса. Активно поддерживает позицию о необходимости защиты Сирией своего суверенитета и независимости. У военных Китая и Сирии существуют устоявшиеся контакты, китайские военные намерены и в дальнейшем укреплять сотрудничество и связи с сирийскими военными»⁹.

Китайской стороной были направлены военные советники для оказания Сирии помощи в подготовке личного состава вооруженных сил. Конечно, в данном случае не следует однозначно понимать данную договоренность, так как стоит разделять военную мощь государства и боеспособность армии. Если говорить о потенциале, то, конечно, на сегодняшний день Народно-освободительной армии Китая (НОАК) доступны все виды самого современного оружия [Кривопапов 2016], а что касается уровня боеспособности, то рассуждать об этом достаточно сложно. В прошлом веке НОАК не одерживала побед: были поражения в войне с Японией, в приграничных конфликтах с СССР, весьма сомнительные успехи в китайско-индийском конфликте и войне с Вьетнамом [Nie 2009]. Таким образом, подтвердить реальную боеспособность армии может только участие в военных действиях. Тем не менее интересно отметить, что в китайских исследованиях звучат высказывания о том, что немалую роль в освобождении Алеппо сыграла помощь КНР в подготовке личного состава вооруженных сил Сирии¹⁰.

Соответственно, несложно понять, что фактическая помощь Китая в сирийском конфликте не играет серьезной роли, но здесь даже более важна именно политическая составляющая. Совершенно очевидно, что КНР занимает серьезное положение на международной арене, и ее позиция по отношению к легитимности правительства Б. Асада и защите территориальной целостности и государствен-

⁹ 叙利亚副总理兼国防部长弗拉杰会见中国军队外事代表团. [Вице-премьер и по совместительству министр обороны Сирии Фахад Джассим аль-Фрейдж встретился с военной делегацией из КНР]. URL: http://news.xinhuanet.com/world/2016-08/16/c_1119396907.htm (accessed: 13.05.2017).

¹⁰ 华英豪. 解放军插手叙利亚让西方吃了大亏. [НОАК вмешалась в военный конфликт в Сирии]. URL: http://www.armystar.com/jspl/2016-12-05_47040.html (accessed: 13.05.2017).

ности Сирии имеет серьезный вес. Также вполне оправданно желание Китая получить поддержку от России и Ирана в борьбе с экстремистами. Оказывая помощь Сирии, Пекин, четко следуя своим принципам, позиционирует себя как непримиримого борца с терроризмом и защитника легитимных режимов. Косвенно участвуя в сирийском конфликте, КНР сможет лучше контролировать прибывших на войну уйгуров и, как минимум, не допустить возвращения большинства боевиков.

США И «ВСЕМИРНЫЙ УЙГУРСКИЙ КОНГРЕСС»

Говоря о внешних факторах, влияющих на развитие сепаратизма в СУАР, нельзя также забывать о том, что разжигаемые при активной поддержке извне межнациональные конфликты сыграли свою роковую роль в распаде не одного государства [Наумов 2014]. Здесь речь идет главным образом о США. Сепаратизм стал одним из рычагов Вашингтона в борьбе с основным в настоящий момент геополитическим соперником — Китаем. И объектом пристального внимания Соединенных Штатов является СУАР, который имеет важное геостратегическое положение, недаром именно здесь в разные периоды истории пересекались интересы России, Великобритании, Германии, Японии, Китая и США.

Но на сегодняшний день именно США имеют как заинтересованность в дестабилизации КНР, так и реальные институциональные и материальные возможности для противостояния Пекину в рамках проблемы образования независимого Синьцзяна. В будущем вполне вероятно, что уйгурский вопрос может быть использован американцами в их игре с центральноазиатскими государствами с целью получения уступок со стороны Китая по ряду вопросов.

США активно спонсируют «Всемирный уйгурский конгресс» (ВУК) через Национальный фонд доноров США в защиту демократии и Американскую ассоциацию уйгуров, возглавляемую Р. Кадыр. Важно отметить, что Национальный фонд доноров США оказывал поддержку «цветным революциям» и антиправительственным выступлениям в Грузии, Сербии, на Украине, в Иране.

Годовая сумма выплат ВУК составляет 215 тыс. долл. США¹¹, но это только официальная сумма. Очевидно, что в действительности финансирование уйгурского движения значительно больше. Об этом говорит чрезмерно активная деятельность организации: собрания в разных частях света с большим количеством делегатов, филиалы организации во многих странах, выпуск многочисленной пропагандистской литературы, видеофильмов и т.д.

В 2005 г. Соединенные Штаты добились от КНР выдачи им уйгурской диссидентки Р. Кадыр и создали ей имидж «матери всего уйгурского народа», выступающей за права уйгуров. В 2004 г. она стала лауреатом Норвежского международного правозащитного фонда «Рафта» в области защиты прав человека, а в 2006 г. шведский парламентарий А. Енохсон выдвинул ее кандидатуру на Нобелевскую премию мира, что вызвало резкую критику со стороны официальных властей КНР¹².

¹¹ *Кожемьякин С.* Агрессивный сепаратор. Уйгурский сепаратизм на службе Вашингтона // Советская Россия. 2013. № 94.

¹² Rebiya 'an insult to Peace Nobel'. URL: http://www2.chinadaily.com.cn/china/2009xinjiangriot/2007-01/09/content_8415765.htm (accessed: 13.05.2017).

Таким образом, СУАР, будучи чрезвычайно важным геостратегическим регионом КНР, имеет для Китая особое значение и в экономическом, и в политическом плане. КНР приходится строго контролировать проблемные регионы мира, расположенные вблизи границ Синьцзяна, чтобы конфликтный потенциал соседних районов не перекинулся сюда, а также принимать решительные и чрезвычайно ответственные шаги в своей внешней политике в регионах, прямо не примыкающих к нему, но непосредственно влияющих не только на Синьцзян, но и на политический и экономический вес КНР в мире. Также не стоит забывать и про поддержку уйгурского сепаратистского движения западными государствами, главным образом США. Ставка Вашингтона именно на сепаратизм в Синьцзяне очевидна. В случае потери СУАР Китаю будет уже намного сложнее претендовать не только на место мировой державы, но и на положение ведущего государства в Азии. Отделение региона непременно нанесет серьезный удар по экономике страны и значительно усложнит выстраивание отношений между Пекином и государствами «мира ислама», под угрозой будут поставлены союзнические отношения с Пакистаном и Ираном, а также взаимодействие с республиками Центральной Азии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Антипов К.В.* Экономический коридор «КНР — Пакистан» открывает Шелковый путь на Запад // История и современность. 2015. № 20. С. 260—272.
- Дубровская Д.В.* Судьба Синьцзяна. М.: Институт востоковедения РАН, 1998.
- Кривопапов А.А.* Китайская военная мощь как новый фактор мировой политики. М.: Научный эксперт, 2016.
- Надточей И.В.* Исламское движение Восточного Туркестана: история, эволюция, динамика террористической активности // Пути к миру и безопасности. 2014. № 2 (47). С. 28—54.
- Наумов А.О.* «Цветные революции» на постсоветском пространстве: взгляд десять лет спустя // Государственное управление. 2014. № 45. С. 148—176.
- Рудельсон Дж.* Уйгуры и будущее Центральной Азии // Мировая экономика и международные отношения. 1994. № 8—9. С. 98—112.
- Сыроежкин К.Л.* Проблемы современного Китая и безопасность в Центральной Азии. Алматы: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте РК, 2006.
- Chaudhuri D.* Minority Economy in Xinjiang — A Source of Uyghur Resentment // China Report. 2010. Vol. 46 (1). P. 9—27.
- Chen Zh.* China Debates the Non-Interference Principle // Chinese Journal of International Politics. 2016. Vol. 9 (3). P. 349—374.
- Clarke M.* 'One Belt, One Road' and China's emerging Afghanistan dilemma // Australian Journal of International Affairs. 2016. Vol. 70 (5). P. 563—579.
- Kumar S.* China's Grand Strategy, Kashmir and Pakistan: Transformation of Islamabad from a Spoiler State to Frontline State for Beijing // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2012. N 8. P. 1200—1217.
- Nie H.* Explaining Chinese Solutions to Territorial Disputes with Neighbor States // Chinese Journal of International Politics. 2009. Vol. 2 (4). P. 487—523.
- Small A.* The China-Pakistan Axis: Asia's New Geopolitics. New York: Oxford University Press, 2015.
- Toops S.* Reflections on China's Belt and Road Initiative // Area Development and Policy. 2016. Vol. 1 (3). P. 352—360.
- Wallace T.* China and the Regional Counter-Terrorism Structure: An Organizational Analysis // Asian Security. 2014. Vol. 10 (3). P. 627—645.

Yin Zh. Kongbu zhuyi yu “shijie xin zhixu” shenhua de pomie [Терроризм и крушение мифа о новом мировом порядке] // *Wenhua zongheng*. 2016. № 3. С. 52—60. (на кит.яз.).

Yin Zh. Yidai yilu de lishi fudan: Fankong zhanzheng yu “zhengzhi yisilan” kunjing [Историческая роль инициативы «Один пояс — один путь»: проблема борьбы с терроризмом и исламом] // *Wenhua zongheng*. 2015. № 3. С. 36—47. (на кит.яз.).

Yu Q. China’s Transport Infrastructure Investment: Past, Present, and Future // *Asian Economic Policy Review*. 2016. Vol. 11. N 2. P. 199—217.

Дата поступления статьи: 15.02.2017

Для цитирования: *Мавлонова А.С.* Влияние внешних факторов на развитие сепаратизма в СУАР КНР // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2017. Т. 17. № 4. С. 770—780. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-770-780.

Сведения об авторе: *Мавлонова Анна Сергеевна* — канд. ист. наук, старший преподаватель Школы востоковедения факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: mavlonova.anna@yandex.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-770-780

THE INFLUENCE OF EXTERNAL FACTORS ON THE DEVELOPMENT OF SEPARATISM IN XINJIANG OF PRC

A.S. Mavlonova

The National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia

Abstract. The article considers the important geostrategic position of Xinjiang, located at the intersection of foci of instability, at least having a common border with Afghanistan and Pakistan.

The large-scale military conflict in the Middle East has definitely influenced the geostrategic position of Xinjiang. The analysis shows that the peculiarity of this conflict lies in the fact that it affects not only the political, but also the economic situation of Xinjiang. The aim of the study is to identify and analyze the main external factors that influence the activation of separatism in Xinjiang.

As for the political aspect, the emergence of a new active force in the Middle East represented by ISIS creates certain risks for China, given the presence of radical young people, and the possibility of religious extremists from penetrating into its territory through Afghanistan and the Central Asian republics. China does not benefit from the prolonged destabilization of the political situation in Syria, the disintegration of the state or the victory of religious extremists.

The author also comes to the conclusion that the military conflict in the Middle East can negatively affect the implementation of the project of the new Silk Road. Its starting point is Xinjiang. Successful implementation of the project will stimulate trade, economic and energy exchanges with the Central Asian republics and positively influence the stabilization of the situation in Xinjiang. But the problem lies in the fact that the road itself lies close to the Middle Eastern regions, where conflicts with the ISIS occur in the acute phase.

The article also examines the US influence on the situation in Xinjiang and support for the Uyghur separatist movement. In the future, the Uyghur issue is more likely to be used by the Americans to weaken and gain concessions from China on various issues.

This research is based on the principles of general scientific system and structural approaches, as well as structural and functional approaches; cultural-civilizational and logical methods in order to ensure the study of the problem in accordance with historical facts and realities of the issue under study.

Key words: Xinjiang, China, Central Asia, Syria, separatism, Uighurs, Middle East

REFERENCES

- Antipov, K.V. (2015). The economic corridor “China-Pakistan” opens the Silk Road to the West. *Istoriya i sovremennost'*, 20, 260—272. (in Russ.).
- Chaudhuri, D. (2010). Minority Economy in Xinjiang—A Source of Uyghur Resentment. *China Report*, 46 (1), 9—27.
- Chen, Zh. (2016). China Debates the Non-Interference Principle. *Chinese Journal of International Politics*, 9 (3), 349—374.
- Clarke, M. (2016). ‘One Belt, One Road’ and China’s emerging Afghanistan dilemma. *Australian Journal of International Affairs*, 70 (5), 563—579.
- Dubrovskaya, D.V. (1998). *The fate of Xinjiang*. Moscow: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. (in Russ.).
- Krivopalov, A.A. (2016). *Chinese military power as a new factor in world politics*. Moscow: Nauchnyi ekspert. (in Russ.).
- Kumar, S. (2012). China’s Grand Strategy, Kashmir and Pakistan: Transformation of Islamabad from a Spoiler State to Frontline State for Beijing. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 8, 1200—1217.
- Nadtochei, I.V. (2014). Islamic Movement of Eastern Turkestan: history, evolution, dynamics of terrorist activity. *Puti k miru i bezopasnosti*, 2 (47), 28—54. (in Russ.).
- Naumov, A.O. (2014). “Color revolutions” in the post-Soviet space: a view ten years later. *Public administration*, 45, 148—176. (in Russ.).
- Nie, H. (2009). Explaining Chinese Solutions to Territorial Disputes with Neighbor States. *Chinese Journal of International Politics*, 2 (4), 487—523.
- Rudel'son, Dzh. (1994). Uyghurs and the future of Central Asia. *World Economy and International Relations*, 8—9, 98—112. (in Russ.).
- Small, A. (2015). *The China-Pakistan Axis: Asia's New Geopolitics*. New York: Oxford University Press.
- Syroezhkin, K.L. (2006). *Problems of modern China and security in Central Asia*. Almaty: Kazhskanskii institut strategicheskikh issledovaniy pri Prezidente RK. (in Russ.).
- Toops, S. (2016). Reflections on China's Belt and Road Initiative. *Area Development and Policy*, 1 (3), 352—360.
- Wallace, T. (2014). China and the Regional Counter-Terrorism Structure: An Organizational Analysis. *Asian Security*, 10 (3), 627—645.
- Yin, Zh. (2015). “Yidai yilu” de lishi fudan: fankong zhanzheng yu “zhengzhi yisilan” kunjing [Historical burden: the war on terror and the “political Islam” predicament]. *Wenhua zongheng*, 3, 36—47. (in Chin.).
- Yin, Zh. (2016). Kongbuzhuyi yu “shijie xin zhixu” shenhua de pomie [Terrorism and the Disillusionment of the Myth of “New World Order”]. *Wenhua zongheng*, 3, 52—60. (in Chin.).
- Yu, Q. (2016). China's Transport Infrastructure Investment: Past, Present, and Future. *Asian Economic Policy Review*, 11 (2), 199—217.

Received: 15.02.2017

For citations: Mavlonova, A.S. (2017). The Influence of External Factors on the Development of Separatism in Xinjiang of PRC. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (4), 770—780. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-770-780.

About the author: Mavlonova Anna Sergeevna — PhD in History, Senior Lecturer of the School of Asian Studies, Faculty of World Economy and International Affairs of National Research University Higher School of Economics (e-mail: mavlonova.anna@yandex.ru).

© Мавлонова А.С., 2017